3-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 11

СМЕХАЧ

АПРЕЛЬ 1925 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

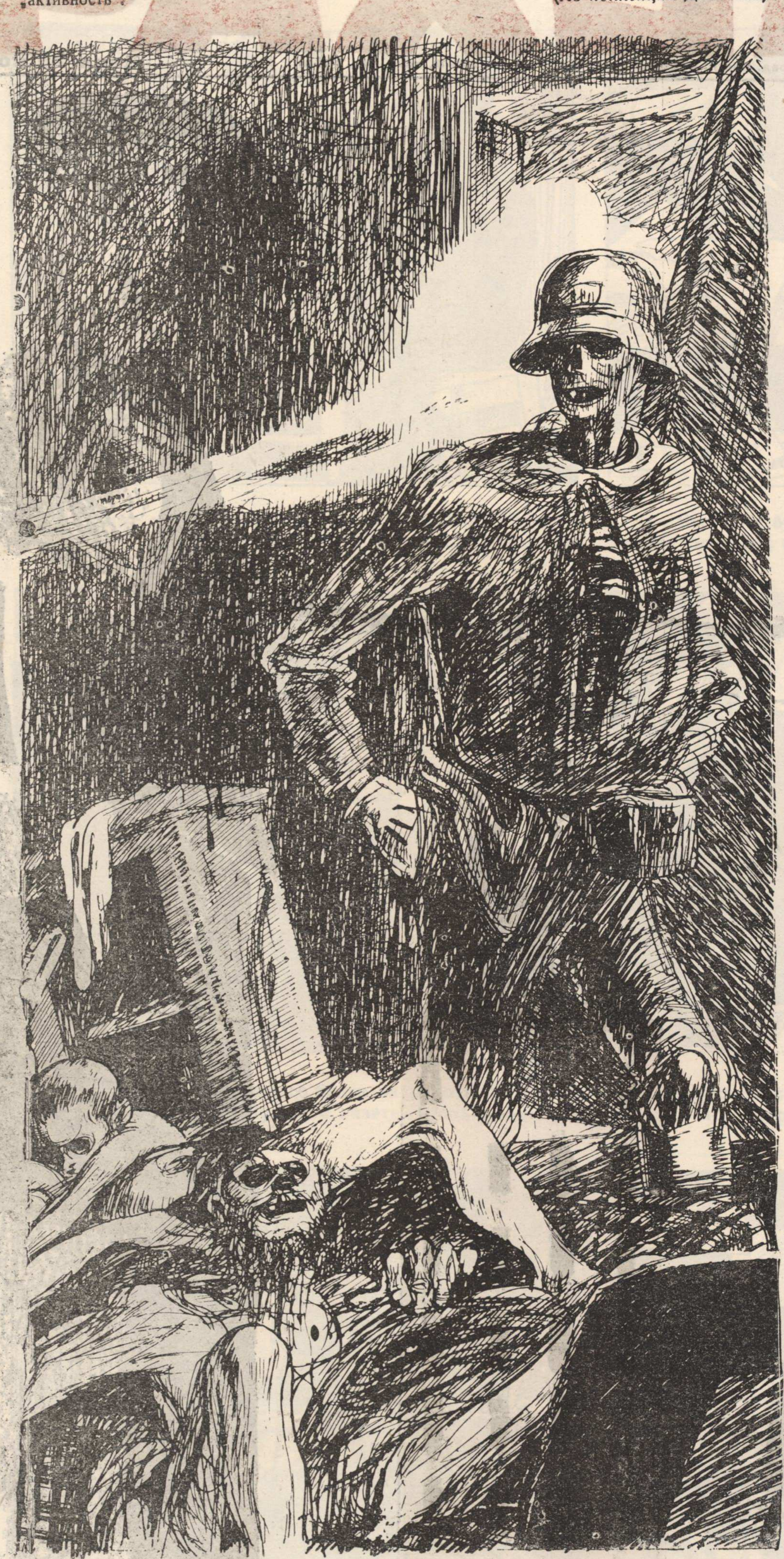
Рис. В. Лебедева

Вандервельде: Почему Вы, дорогие товарищи, подаете друг-другу руки через мою голову?
— А разве мы виноваты, что ты такой низкий человек.

ПОДСЧЕТ ГОЛОСОВ

Перед выборами президента в Германии, фашисты проявляют особую „активность".

Рис. К. Груса
(Из коллекции Д. П—го.)

Фашист: Ну, теперь они—на нашей стороне: небось, не подадут голоса против!

СВЯТОЙ ЧЕЛОВЕК И ДРОВА

(Басня).

К процессу б. ксендза Усаса.

Однажды ксендз, блуждая по просеке
(Он в лес зашел, чтоб раздобыть ветвей),
Узрел неведомых людей
И—к ним с вопросом:—„Кто вы,
человеки?"
— „Мы—дровосеки".
От зависти не побелев едва,
Святой отец дивился, зубы скаля:
— „Ах! подлые москали!
Хитрей, чем я, потеху отыскали:
Я сек девиц, они ж секут... дрова!"

* * *

Чтоб имени ксендза не умереть для тысяч,
Чтоб слава о делах прошла во все края,—
Его почтительнейше надо б высечь...
(На мраморе, друзья!)

Ив. Прутков

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АНЕКДОТЫ

БЫКИ

Харбинский мандарин Су-кин-дзин, усмотрев что по улицам Харбина проходят пионеры, повязанные красными галстухами, рассвирепел, как бык, вызвал два эскадрона кавалерии и, окружив пионеров, разоружил их от галстухов.

На что один образованный китаец заметил:

— У белых дьяволов есть сказка, как греческий бог Зевес, из любви к красавице Европе, превратился в быка и похитил ее.

Теперь белые дьяволы начинают обращать в быков китайских мандаринов. К сожалению, китайские быки не похищают Европу, а наоборот, Европа, вместе с Америкой, гонит китайских быков на Чикагскую скотобойню.

И вздохнув, оный китаец добавил:

— Да просветят наш бедный Китай Лао-Цзы, Конфуций и Карахан.

ИСПАНСКАЯ ПОБЕДА

Некий испанский генерал, только что прибывший из Марокко, явился на прием к диктатору Прима-де-Ривера, состоявшему в меланхолии, по случаю войны с марокканскими кабилами.

— Рассказывайте скорее, генерал, — сказал диктатор:—как наши успехи?

— Ваше превосходительство,—дипломатически ответил генерал:—мы обратили в бегство главные силы неприятеля.

— Не может быть!—обрадовался диктатор.—Санта Мария! Что же вы молчали, генерал, о таком блестящем успехе испанского оружия?!

— Видите ли, ваше превосходительство,—осторожно заметил генерал:—дело в том, что мы бежа и впереди, а кабилы за нами.

— Дурак!—разгневанно сказал диктатор.

— Так точно!—ответил храбрый генерал.

ЛОРД И ИНДУСЫ

Некий британский лорд Гаррис, весьма уставший от парламентских и государственных трудов,—пользуясь законным отпуском и находясь на Цейлоне, катался на рикше-индусе.

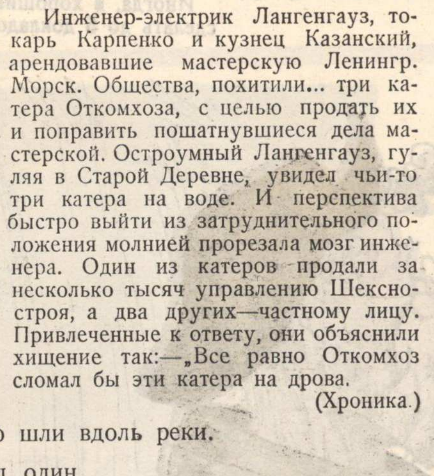
Возвеселясь весьма от приятного тропического воздуха, а также и от крепкого коктейля, лорд свирепо двинул рикшу сапогом по спине.

Рикша споткнулся и упал вместе с коляской и лордом. Вернувшись в Лондон и участвуя в заседании палаты, лорд вспомнил все вышеизложенное и произнес убедительную речь, закончив ее выводом:

— Я категорически протестую против дарования Индии самоуправления. Индусы сами править не могут.

Бен-Гали

ДЕЛА-ДЕЛИШКИ

Инженер-электрик Лангенгауз, токарь Карпенко и кузнец Казанский, арендовавшие мастерскую Ленингр. Морск. Общества, похитили... три катера Откомхоза, с целью продать их и поправить пошатнувшиеся дела мастерской. Остроумный Лангенгауз, гуляя в Старой Деревне, увидел чьи-то три катера на воде. И перспектива быстро выйти из затруднительного положения молнией прорезала мозг инженера. Один из катеров продали за несколько тысяч управлению Шекснострoя, а два других—частному лицу. Привлеченные к ответу, они объяснили хищение так:—„Все равно Откомхоз сломал бы эти катера на дрова.

(Хроника.)

Двое пешеходов задумчиво шли вдоль реки.

— Вот и весна!—вздохнул один.

— Весна. И ни копейки денег. А через неделю платить по векселю!—мечтательно промямлил другой.—А через две недели—по второму. А через три недели по...

— Что же вы скажете насчет этого весеннего бюллетеня?

— Что? Вон, смотрите, летят с юга птицы. Ну, так мы также полетим. В трубу.

— Невеселая острота.

— Ба! Придумайте что-нибудь повеселей. Чего вы все смотрите под-ноги?

— А вдруг—сверток? А вдруг—в свертке сто тысяч червонцами? Я боюсь упустить такой выгодный случай.

— Хорошо. Разделим труд: вы продолжайте искать на земле, а я—на воде. Шансы одинаковые.

* * *

— Стоп! Нашел!

— Где? Что?

— Смотрите сюда. Что вы видите?

— Пароход.

— Это как-раз то, что нам нужно.

— Разве мы собираемся ехать?

— Ехать?! На этом пароходе далеко не уедешь. Скажите, разве нам годится такой старый паршивый пароход?

— Я думаю, что не годится.

— В таком случае, раз он нам не годится, мы продадим его за бесценок. Мы продадим эту ветхую калошу за 50% стоимости.

Остроумный человек взбежал по мосткам на пароход.

— Смотрите,—ей-богу, он не так плох, как я думал. Труба, палуба, борты—все на месте. Как он называется? Ага! „Стрела!“ Очень приятно познакомиться! Мы эту „Стрелу“ пустим в оборот.

— Но ведь она не принадлежит нам?

— Она и не будет нам принадлежать. Мы ее проведем приходо-расходом.

* * *

Задумчиво шли вдоль реки.

— Вот уже и окончательная весна!

— Весна. И опять ни копейки денег. И, как на зло, я не вижу больше пароходов.

— Послушайте, вы прямо таки ограниченный человек, без широты во взгляде! Посмотрите вот сюда. Что вы видите?

— Мост. Вы хотите перейти на ту сторону?

— Чудак! Разве на той стороне для нас больше денег, чем на этой?! Я хочу перейти с парохода на мост. Этот мост, если смотреть издали, совсем еще сохранил продажный вид. Но посмотрим вблизи.

Остроумный человек бодро побежал к мосту. Взбежал на мост; попрыгал, пробуя ногами прочность настила.

— О! да он и вблизи выдерживает критику. Такой мост на дороге не валяется! Такой малодержанный мост мы продадим за 50% себестоимости.

* * *

Задумчиво шли.

— Не будем больше говорить о весне. Надоело! Приступим прямо к делу. Что вы видите перед собою?

— Что я вижу? Вы размахиваете рукой прямо с запада на восток. Я вижу город.

— Это как-раз то, что нам нужно. Если много векселей, размышлять некогда. Мы продадим этот подержанный город за четверть цены. Чорт с ним,—пусть его забирают!

* * *

Задумчиво сидели на скамье подсудимых.

— Весна!

— Ну, положим, наше состояние скорее похоже на осень. Вы не знаете, за что нас посадили?

— А разве я знаю?! Вероятно, за продажу этих дурацких пароходов, мостов и домов, которые все равно когда-нибудь пошли-бы на дрова! Разве есть в этом мире справедливость?!

— Справедливость требует сказать, что нет!

— Смотрите перед собой. Что вы видите?

— Что я вижу? Я вижу, что дело дрянь: с этого дела мы заработаем несколько лет. И ни одной копейки на очередной вексель.

Ив. Прутков

НА ПРИЕМЕ СОТОГО

Рис Н. Радлова

— Гм!... В сердце сильные перебои... Ваше дело—табак!..

— Не потому-ли, доктор, что вы меня выслушиваете курительной трубкой, а сами пытаетесь закурить слуховую.

ЗНАХАРЬ

Воблистый облик. Нос птичий, крючком.
Был он когда-то приходским дьячком.
(Знахарем стал, очевидно, из прибыли).
Согнут годами в четыре погибели,
Истово крест широчайший творит
И с расстановкою в нос говорит:
— Если сердца перебои —
Выпей на ночь зверобою,
Коль не ладно с головой —
Подкурись слегка травой,
Закололо в пояснице —
Мойся плесенью с квасницы,
Вот настойка мухомора,
Помогает от запора,
А от судорог-ломот —
Недурен парной помет...
Если же сглазят коровьи удои,
С трех угольков нужно спрыснуть водою.
Ладану дайте понюхать телице,
Будет, поверьте, отлично доится...
Знахарь и сны разгадает без промаха:
Снится к слезам непременно черемуха,
Вши пред богатством — (примета не ложь)—
Рубль, приблизительно,—каждая вошь.
Лечит—морочит людей и скотину,
Несут ему масло, творог и холстину,
Яйцами, шерстью, всем он берет...
Когда-ж поумнеет крестьянский народ?!

Мих. Андреев.

ЗАПАРИЛСЯ

Рис. Б. Антоновского

Иногда, в хороший день, партиец-активист должен сделать до 5 докладов на разные темы. (Из газет)

— Ф-фу, леший! И здесь доклад нужен, а о чем? – хоть убей, не помню. Отбрякаю для всякого случая о международном положении.

ДВА СЛОВА ФАШИСТАМ

Фашисты в Италии организуют собственный Интернационал.

Скажу в лицо без тени злобы:
К чему еще—источник скверн?
Зачем, синьоры, вам особый,
В рубашке черной „Фаш-интерн“,
Когда к услугам ежедневно
За вас готов стоять горой,
Вздыхая в горести плачевной,
Интернационал второй?!

А. М.

„НА ПОЛИТГРАМОТЕ“

— Сколько наркоматов есть?

17.

— Хорошо; а можете перечесть их по порядку?

— Могу, отчего-же: первый, второй, третий...

„НА ВЫСТАВКЕ“

— Товарищ художник, вы это насекомое с натуры брали?

— Нет-с! Из головы!

„ОБИДЕЛСЯ“

Одно мне обидно! Как кто партийный, обязательно говорят, мол, с какого года; а я, к примеру, беспартийный, так никто и не спросит—с каких пор!

ТО, ДА НЕ ТО

— Ах, я так волнуюсь! Мой муж уехал сегодня на дачу...

— Так рано?

— На дачу показаний по делу о растрате.

КО ДНЮ ПЕЧАТИ

Рис. Ив. Малютина

Иван Петрович Крутов.

Антон Бобылев.

Егор Кутько.

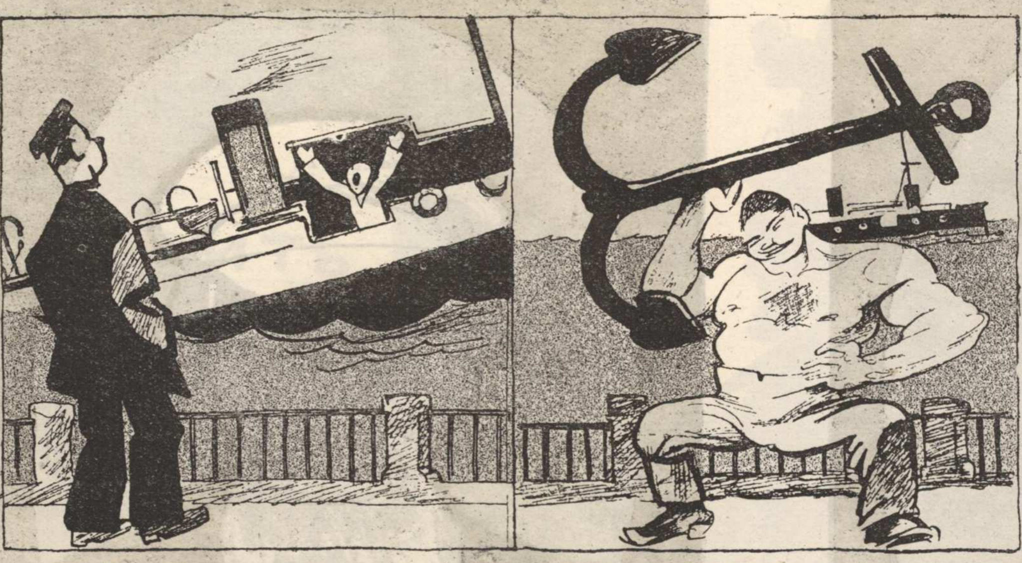
Вася Мальков.

Читатель интересуется,—что общего между днем печати и этими лицами? Общего много. Это—лицевая сторона печати: рабкор, селькор, военкор и юнкор.

РЕЧНОЙ СПОРТ

За неимением гирь для атлетики, ищут тяжелые предметы на корабле. (Из газет.)

Рис. А. Радакова

— Караул! пароход с якоря сорвался!!!...

— Ерунда: это старший механик выжимает на рекорд.

ТРАГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Никогда не пробовал писать, а вот обстоятельства заставляют. Опишу весь ужас трагического случая. И, пожалуй, этот случай не личный, а более общественный.

Я—обыкновенный милицейский, честный, исполняющий свой долг, двадцати четырех лет от роду. Сложения крепкого.

Наружность у меня, не составляя себе комплимента, очень приятная, даже красивая. В особенности, женщинам нравились усы, которые начали развиваться с пятнадцатилетнего возраста и год от года становились наиболее пышными. Я неоднократно имел, как говорится, поползновение их сбрить, но всегда встречал горячий отпор со стороны любимой девушки, которая по своему капризному женственному характеру, восклицала: „Ах, товарищ Усачев, вы такой в усах душка, и когда вы целуете, во мне происходит легкое волнение!“ Снисходя к слабому полу любимой девушки, я, конечно, улыбался и давал обещание оставить усы в неприкосновенном виде. А потом и сам, часто разглядывая усы в минуты отдыха перед зеркалом, я убедился, что без усов мое гордое лицо сразу обратится в глупую круглую физиономию, как у кокотки.

А между тем, весь мой контакт с любимой девушкой должен был закончиться ожидаемым браком. Это было для меня большим счастьем, так как Анюта девушка деревенская, но совсем на городской лад, бывшая горничная, старше меня на два года. Счастье-же заключалось в том, что я, как будучи развит чрез чтение многочисленных книг и газет, имел в виду заняться коренной ломкой будущей жены на почве исторического материализма, отбросив религиозный дурман.

Итак, я утопал в мечтах. Но судьба готовила мне из-за угла трагедию, угрожая ножем в спину.

Дело вышло благодаря одной беспатентной торговке яблоками и свежими огурцами. Этот преступный элемент рассеян по всей красной столице во множественном числе. И с ними гораздо труднией бороться, чем с каким нибудь малярийным комаром или инфузорией. Комара можно поймать и раздавить или подозрительную местность облить неочищенной нефтью в видах экономии и—сжечь. А этих ведьм, торговок, в ступе не утолочь: их толчешь, а они вокруг песта бегают, как возле карусели. Но я, конечно, не позволял себе толочь женщин не только пестом, а даже всегда действовал хотя и строго, но в вежливой, предупредительной форме, согласно инструкции.

И вот я твердо подхожу к толстой торговке. Она сразу бежать. Я догоняю:

— Стойте, гражданка! Следуйте за мной.

Она смотрит на меня трагически и делает вторую неудавшуюся попытку скрыться от преследования. Я хватаю ее за руку. Она начинает кричать и вырываться. Я свищу в свисток и говорю:

— Как вам не стыдно, гражданка, без патента торговать! Ведь вы этим подрываете законную торговлю.

Она орет:

— Мне жрать нечего! Что вы, окаянные, имаете нас, вздыху не даете, чтоб вы опухли все!

Сохраняя присутствие духа, я беру корзину с свежими огурцами и антоновкой, чтоб заставить бабу следовать за мной. Она вцепляется в другой край корзины и сильно тянет к себе, испуская при этом страшный крик, точно ее переехал поперёк пожарный автомобиль полным ходом, без предупредительных гудков. Сохраняя присутствие духа, я начинаю тянуть корзину еще сильнее. Но торговка вцепилась в инкриминирующую корзину, как тигрица, дернула и упала, потешно закорючив обе ноги кверху, так что окружающая толпа разразилась хохотом. Торговка-же, лежа на земле, продолжала орать в недопустимой форме! Глядя на ее трепещущее тело, я соображал, как быть. А на свисток никто не являлся. Присмотревшись к телу торговки, я сметил, что в нем около пяти пудов и отвратительная морда.

Кто-то из сочувствующих граждан сказал:

— Чего на нее смотреть! Волочи ее за ноги! Ишь орет белугой...

Я говорю:

— Такой некультурный способ неприменим. Мы не царские фараоны. А вот неугодно-ли кому подсобить...

Но, видя зверски настроенную торговку, которая уселась на корзину, граждане стояли без движения, как пред разъяренным удавом.

У меня в этот миг, благодаря сознания долга, образовалась страшная приподнятость всего организма: думаю, подыму ее и дотащу до извозчика или дворника. Я взял ее поперек талии, ежели толстый живот допустимо назвать талией, и потащил живой груз вперед. А некоторый сознательный старичек понес за мной ее корзину, говоря:

— Не бойтесь, товарищ милицейский, я не сбегу. Я ради порядка.

Женщина начинает брыкаться в воздухе ногами и визжать. Я же от натуги пыхчу и обливаюсь потом. А она, подлая, визжит мне в ухо так, что заглушает благовест большого колокола Спаса на Сенной, и делает руками жесты, стараясь расцарапать мне физиономию. В целях самообороны, я делаю полный поворот своей головы в противоположную сторону, так что вижу все, что происходит сзади, то-есть идущую за мной толпу, которая настроена, как на показательном спектакле. Торговка-же сквозь резкий визг орет:

— Ах, вы, мильтоны окаянные! Топить вас надо! Караул!.. Караул!.. Режут!!!

Кто-то из толпы крикнул:

— Молчи, халява! Я те пасть-то заткну!

Я вновь делаю полный поворот головы обратно, то-есть лицом к жертве правосудия, и стараюсь в вежливой форме внушить ей:

— Да вам бы, гражданка, при старых правах городаш косу выдрал-бы с мясом.

В этот миг преступница мгновенно вцепилась когтями в мои щеки, в нос, как россомаха в рябчика, и начала меня увечить при многочисленных свидетелях. От неимоверной боли, которая разлилась по всей площади лица, я потерял присутствие духа и страшно закричал. Только помню, как кто-то дал ей по загривку банку, кто-то рванул ее из моих рук и крикнул:

— Извозчик!.. Граждане, помогите ее ввалить... Товарищ, кровь у вас.

Я схватился за расцарапанное в кровь лицо и чуть не лишился чувств: правый мой пышный ус отсутствовал с корнем. Граждане приняли во мне живейшее участие, отведя в ближайшую аптеку. Женщину же увез подоспевший милицейский. А потом меня очень сочувственно приняли в больнице, всячески стараясь выразить соболезнование, не говоря уже о медицинских мерах. Даже главный врач, очень симпатичный человек, сказал со слезами на глазах:

— В Париже полисмены снабжены металлическими наручниками на случай обезвреживания женщин. Мужчины же более тихий элемент и их отводят в кутузку на свободе. Надо-бы и здесь ввести наручники.

Во время этой дискуссии пострадавший печник, который прибежал за скорой медицинской помощью, проговорил:

— Да этим самым бабам не наручники, а намордники надо прописать! Э, вот, чтоб ей, моя жена едва нос не отгрызла мне напрочь...

Трагедия-же заключалась в том, что мне пришлось обриться. Чрез это я навек лишился любимой девушки. Она, в приливе горя, пожелала провожать какого-то вдового спекулянта в Соловецкий монастырь на отдых. Ну и чорт с ней! Зато по службе мне была выражена глубокая благодарность. А торговка с извозчика убежала и, несмотря на тщетные старания гнавшейся за ней толпы, вскоре скрылась из вида.

Вяч. Шишков

ЖЕСТОКОЕ СЕРДЦЕ

Спец Всеукраинторгпрома Вайнберг получил 100 червонцев в счет тантьемы с предполагаемых прибылей,— „в виду крайней нужды".

„Прол. Правда".

У врат Всеукраинторгпром
Стоял, смотря в окно правленья,
Бедняк с поджатым животом —
И к тресту воссылал моленье...

Лелеял он одну из грез:
Поесть икры, попить зубровки
И, кончив жратвенный вопрос,
Поехать к некоей плутовке...

Увы! жесток 20-й век!
Для пропитанья бедных крошек,
„Стрелку" прохожий человек
Дал в лапу только... сто червошек...

Е. С.

ДИПЛОМАТ...

(Деревенские штришки)

У Дмитрия Павлушина неприятность — жена девочку родила.

Неприятность не в том, что она родила. Этому Дмитрий Павлушин очень даже рад. Семья небольшая: сын и дочь.

Сыну 17-й пошел, в комсомольцы просится, а дочери десять минуло, тоже пристает:

— Тятька, хочу в пивонерки.

Дмитрий Павлушин не отговаривает ни сына, ни дочь, но все твердит:

— Погодить чутучку надо. Куда торопиться? Может быть, успеете...

Рад Павлушин рождению дочери. И жена рада. Десять лет не рожала. В материнском сердце любви много, а тратить ее не на кого—дети уже большие, выросли.

А неприятность вот в чем: как назвать новорожденную.

Будь Павлушин кулак, он не стал бы мучиться, а пошел бы к попу. Тот посмотрел бы в святцы и сказал бы:

— В честь святой великомученицы такой-то наречем младенца...

И готово. Девочка с именем.

Будь он коммунист, пошел к предсельсовета и заявил бы:

— Дочка у меня родилась. Как по твоему, Лениной назвать или Коммунарой?

Но Дмитрий Павлушин не кулак и не коммунист. Он сочувствующий.

Так-то! Сочувствующий! Так и в анкетах написал: Дмитрий Павлушин, крестьянин, 40 лет, старший унтер-офицер, георгиевский кавалер. Сочувствующий.

Потом „Георгиевский кавалер" перестал писать, а к слову „крестьянин" стал прибавлять „батрак". Хотя избенка у него была собственная, и землицы было сколько полагается, и лошадка была своя, и дровишками поторговывал...

А в одной анкете даже махнул „крестьянин из рабочих". Но слово „сочувствующий" никогда не пропускалось.

А теперь вот оно. И к попу хочется, и к предсельсовета надо... как тут быть?

После долгого размышления Дмитрий Павлушин решается заговорить об этом вопросе с женой.

— Эй, старуха, — говорит он небрежно,—как дочку назовем?

Старуха, еще не оправившаяся от родов, стонет на палатях. Ее почти не видно из-за вороха разного тряпья, в котором она, точно, утонула.

Дочку... Ох-хо-хо. Дочку... Как батюшка скажет, так и назовем. Чего хлопотать... Как батюшка...

— А ты что скажешь?

Последние слова обращены к сыну. При этом глаза Павлушина хитро подмигивают.

Сын молча берет шапку и уходит, сердито хлопая дверью.

— Видишь, старуха, — говорит весело Павлушин,—как заговорила о батюшке, сын убежал...

— Охо-хо...—стонет старуха.

— Нельзя к батюшке, — серьезно говорит Павлушин, — неудобно. Засмеют. Скажут: „Сочувствующий". Попам сочувствуешь. Слышишь, старуха?

— Ох, слышу... Ну, пусть...

— Чего пусть?

— Пусть смеются. От смеха не похудеешь, а на том свете, как припекут, почувствуешь...

— На том свете... Что там еще будет? Пока на этом свете живем. Тоже припечь могут...

Павлушин встает и начинает маршировать по комнате. Долго он ходит, потом останавливается перед горой тряпок, из под которых время-от-времени раздается стон старухи.

— Слушай.

Голос его звучит строго и повелительно.

— Слушай в оба уха. Завтра я поеду в город. Кое-что продать надо, кое-что прикупить для... крестин. Буду там дня три. И сынка захвачу... И ты тут будто бы без меня... Понимаешь? Сама, значит, без моего позволения...

— Ох, понимаю, — слышится из-под тряпья.

Дня через четыре Дмитрий Павлушин приезжает из города. Жена встречает его на пороге.

— С Марией поздравляю вас, Дмитрий Степаныч!—говорит она, скрывая улыбку.

— Как ты смела?!—начинает кричать Павлушин:—На всю деревню осрамила!!

Кричит он громко, во весь голос. Сбегаются соседи. Он бросается на жену с кулаками. Его, конечно, отталкивают от жены.

Через час он у предсельсовета и так громко кричит:

— К чорту. Анулирую крестины. Не хочу Марии — пиши Октябрина. Плевать мне на Марию... Октябрины хочу. Я сочувствующий. Долой религию, которая опиум...

Вечером Дмитрий Павлушин ест жирные щи, которые для него с особой внимательностью приготовила жена, и поминутно вытирает рукавом рубахи губы и самодовольно говорит:

— Рожать что... Пустое дело рожать. Всякая баба сродит. А чтобы потом не шлепнуться, да чтобы на этом, значит, свете не осрамиться и на том свете не потерять свою выгоду — вот это задача... Это потруднее будет.

Жена согласно кивает головой.

Оль

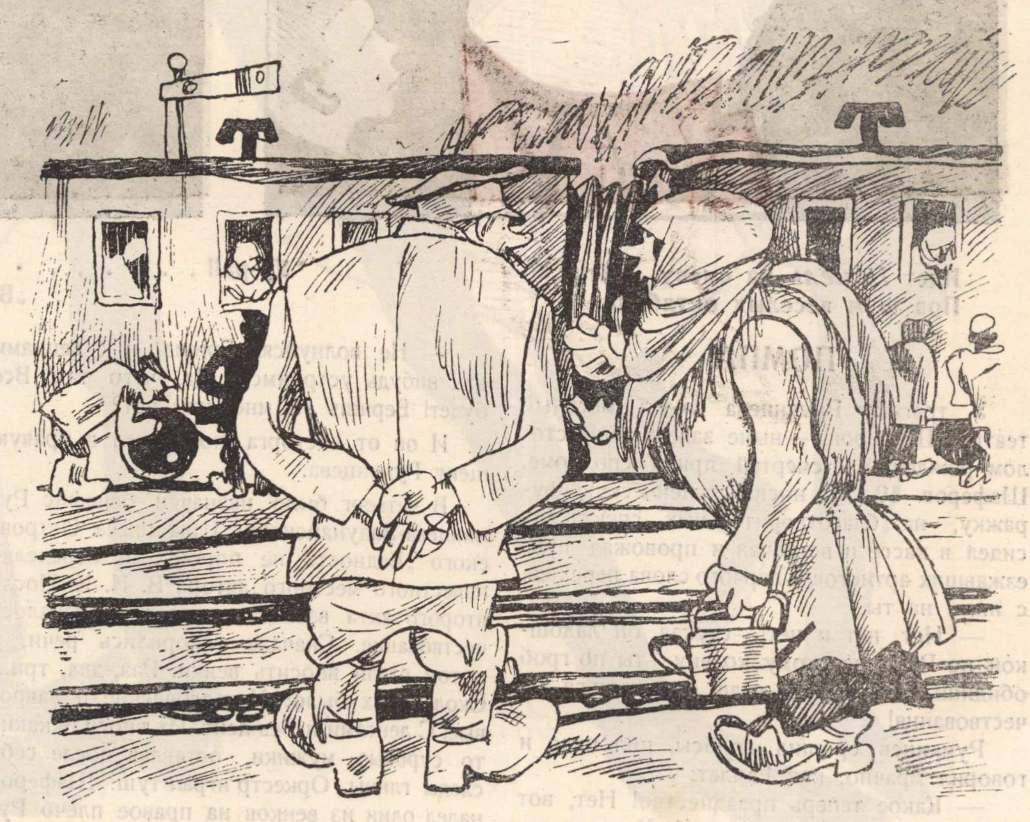
В ТЕНИ ПЕРЕУЛКОВ

Шумит проспект, блестит огнями,
А за углом, где ночь мутна,
Как червяки в помойной яме,
Кишит столичная „шпана":
Налетчики и проститутки,
Субъекты с обликом зверей,
Большого города ублюдки —
У подозрительных дверей.
Там кокаин, разврат, злодейство,
Законы „дна". И у пивной
Обычный спор отца семейства
С визгливо плачущей женой.
Дыша в проспект заразным ядом,
Когда становится темней
Вся эта гниль ютится рядом
С великой жизнью новых дней.

Д. Ценз

СТАРАЯ ОТРЫЖКА

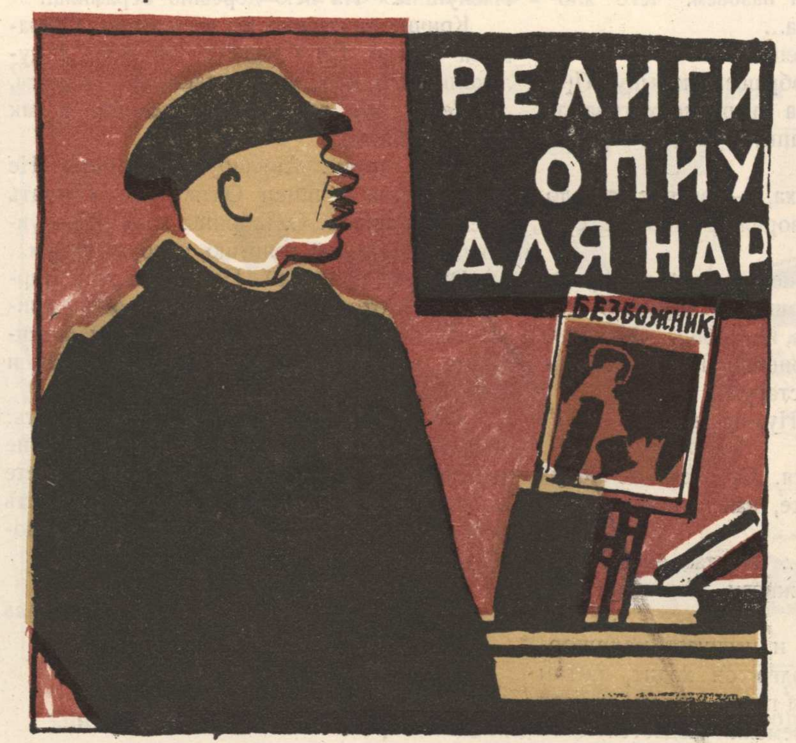
Рис. Б. А.

— Что-ж это, милый, поезд долго стоит?
— Паровоз, бабушка, меняют.
— Ме-ня-ють? А на что именно? Не продешевить-бы...

ЯЙЦА В-СМЯТКУ

Рис. Л. Бродаты

Все так наглядно, все на месте:
Журнал, брошюры и плакат.

Долой дурман!! . . . . А в Пищетресте—
Пасхальной чепухи парад.

Идет *Нинель* на смену „Кати“,
Под шум веселых октябрин.

Ур-ра!! . . . . А в Госвинсиндикате—
„Вино-с благословил раввин“.

ПОМПА

У трагика Румянцева сидел местный театрал Шаферов, — ныне заведующий столом рождений и смертей при Уисполкоме. Шаферов 40 лет носил студенческую фуражку, на благотворительных спектаклях сидел в кассе и встречал и провожал приезжавших артистов, с первого слова переходя с ними на ты.

— Нет, нет и нет!—стукал он ладошкой по Румянцевскому колену—ты по гроб обидишь весь город, если откажешься от чествования!

Румянцев ерошил волосы, пил пиво и говорил мрачно, как Гамлет:

— Какое теперь празднество! Нет, вот в Ростове меня праздновали! Хотели лошадей из моей кареты выпречь и не выпрягли только потому, что у меня кареты не было! А венки! Все таки, бог мой! Я уже был дома, а их еще все выносили из театра Э-э-э-х!..

— Не волнуйся, Гриша, и с венками как нибудь устроимся. Да, чего там! Все будет! Веришь ты мне, или нет?

И он от восторга поцеловал в правую щеку Румянцева.

В четверг было назначен бенефис Румянцева-Задунайского. Шла пьеса Островского „Бедность не порок“, в переделке известного местного автора В. П. К. После второго акта взвился занавес и началось чествование. Сначала говорились речи, а потом стали вносить венки. Раз, два, три... Сколько их было! Металлические и лавровые! С лентами и без лент. Их вносили какие то суровые мужики, оставляя после себя следы глины. Оркестр играл туш. Шаферов надел один из венков на правое плечо Румянцева и сделал знак замолкнуть оркестру.

Румянцев сказал ответную благодарственную речь. Кончая ее, он поднес ленту с надетого венка к губам и сказал торжественно:

— В знак моей признательности, целую коллективно всех вас в лице этой ленты и...

Он остановился, пораженный.

— Послушай Шаферов! — в-полголоса сказал он, опешенный: — Да этот венок, видимо, не мне. Тут на ленте обозначено „Дорогой бабушке на вечную память“...

— Продолжай, продолжай Гриша! — зашептал Шаферов: — Бабушка или ты — один чорт! Главное, помпа! Продолжай! Неудобно же!

Но Румянцев-Задунайский стоял, как оглушенный, мигая то правым, то левым глазом. А через три дня он получил повестку из Нарсуда, с предложением явиться для дачи свидетельских показаний по делу „о временном хищении заведующим столом смертей и рождений Шаферовым кладбищенских венков“.

В. Т.

ПЕЧАТЬ КАИНА

Рис. А. Радакова

Польская печать настроена весьма снисходительно по отношению к Мурашко, убийце т.т. Багинского и Вечоркевича.

— Такому человеку мало полотенца, чтобы вытереть руки! Разрешите предложить вам газетную простыню.

Рис. Н. Радлова

ОТ СОХИ

— Говорят: „*от сохи*"! Это правильно, что *от сохи* Да как бы поскореича *к трактору* податься.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Своеобразно организована скорая хирургическая помощь в 1-й саратовской совбольнице:

— Ой, помогите, товарищ, хоть вы, — с криком вламывается в „Рабочую жизнь" грузчик с завязанным ртом, которому при вскрытии вагона для выгрузки сена рассекли нижнюю губу

— *Обратился я в 1-ю совбольницу к хирургу для наложения шва на рану, а там оказывается нужно еще зарегистрироваться.* Но эта регистраторша Киселева *посмотрела бюрократически на мою губу* и на справку врачебного пункта № 3 о внеочередном приеме, да и *говорит: „Ничего не вижу, вставай в очередь"*, а очередь—больше 100 человек!..

Странная больница: в ней обалдевшая канцелярская крыса принимает больных, а безголовые хирурги ведут, очевидно, „исходящий" журнал.

МАСЛОГОН

Новый вид самогона изобретен Минской маслобойней. Красные „изобретатели" предполагают назвать его маслогоном. „Звезда" (№ 67) сообщает:

Заславль. Крестьяне деревни Потребы, Воровского сельсовета, в течении почти двух недель валяются поголовно пьяными. Виной этому не самогон, а льняное масло, изготовленное на маслобойне, находящейся в Минске, на площади Парижской Коммуны.

Семена в маслобойню сдавались чистые.

Крестьяне встревожены.

„Умаслили" деревню, а она недовольна.

Напрасно,—хорошо „крепит" смычку город Минск: в маслогоне—добрых 50° будет, куда твой госспирт!

СОГЛАСОВАННАЯ РАБОТА

В Саратове хорошо увязана работа кооперации и лесозаготовительных органов. В „Сар. Изв." некий покупатель рассказывает:

Прихожу в магазин ЦРК № 9 и спрашиваю Цейлонского чаю одну восьмую фунта. Отпустили. Прихожу—развертываю. Но, увы, вместо чая оказались *гублеспромовские опилки*.

К тезисам саратовской кооперации прибавляется еще один:— как покупателя чаем ни корми, он все в лес глядит.

САРАТОВСКИЕ ЗУБОДРАЛЫ

Зубоврачебная наука требует, чтобы каждый сознательный гражданин обращался к зубному врачу раза два в год для осмотра полости рта, независимо от того, болят-ли у него зубы или нет; иначе рассуждают саратовские жел.-дор. „зубо-дралы". По словам „Сар. Изв."—

В зубоврачебном кабинете при управлении Р.-У. ж. д.,—болезнь не лечат и не предупреждают, просто говорят: „*придите через месяц, ведь вы не с острой болью и на стену еще не лезете!*". И так отвечают почти каждому больному.

А зачем железнодорожнику на стенку лезть? Для этого существует стенная газета. Железнодорожник полезет прямо в управление Р. У. Ж. Д.:

— Какой это, к чертям, зубоврачебный „покой", когда от него только одно беспокойство: видит зубодрал оком, да зуб неймет.

ТУЧКИ НЕБЕСНЫЕ

Самые нежные и чувствительные шефы—в Курской губернии. „Курская Правда" пишет:

Слабо работает шефская комиссия при ячейке РКП (б) швейников, ведущая шефство над деревней Глебовой.

Щеф такой хороший, что, видите ли, на места он не выезжает из-за плохой погоды.

Раз уже совсем собрался выехать и литературу захватил, да тучу на небе увидел. Испугался бурана и остался дома

А тучка через час прошла.

Хороши курские швейники: все их шефство трещит по всем швам. Что и говорить—плохая работа: не Ленинского покроя.

БОБРУЙСКИЙ ВУНДЕР-КИНД

В Бобруйске обнаружен новый „Вундер-Кинд" — рабочий Вундер Владимир, который по своей чисто детской наивности три года добивался победы над чудовищем бобруйской волокиты. „Звезда" сообщает:

В 1921 году рабочий лесозавода № 7 в Бобруйске—Вундер Владимир при надевании ремня на шкив попал в машину, которая раздробила ему обе ноги. После месячного больничного лечения, врачебная комиссия постановила послать его в специальное лечебное заведение в Крым. Отсюда и начались мытарства т. Вундера. „Ходил" он и в союз деревообделочников, и в страхкассу, и другие соответствующие учреждения, но дело его нисколько вперед не подвинулось.

В прошлом, 1924 г., страхкасса предложила ему ехать в Крым лечиться, но... на свой счет.

Чудак-человек: ему предложили, а он не поехал. Все справки выдали, место лечения указали, удостоверение бы дали на дорогу, сделай милость, поезжай—представьте, не поехал.

А ног не протянул только потому, что ноги в 21 году раздробило машиной.

ЯЗЫКОМ К ДЕРЕВНЕ

В Смоленском „Рабочем Пути“ раздается робкий голос из деревни:

> Самцовский вик, Дорогобужск. уезда пускает в деревню мудреные слова, от которых крестьяне только почесывают в затылке.
>
> Вот пример: на дверях вика висит обязательное постановление, в котором говорится, что ввиду наблюдающихся случаев венерических заболеваний по волости—граждане, вступающие в брак, не будут регистрироваться в загс'е без медицинского освидетельствования.
>
> В конце постановления крупным шрифтом отпечатано: предлагается настоящее постановление широко „популяризировать“ среди населения.
>
> Читают крестьяне мудреное слово, и понять его смысла не могут.

Читают и охают: и налоги взимают, и жениться без осмотра не дают, и „популяризацию“ им подай, а где ее взять, ежели недоимки по сельхозналогу за прошлый год не уплачены?

РАБОТА НА СЕЛЕ

В каких условиях протекает подчас работа на селе, можно судить по краткой корреспонденции из „Орловской Правды“:

> ДЕР. ПАНЬКОВА, ПЕСОЧИНСКОЙ ВОЛ. ОРЛОВСКОГО У.
>
> Председатель нашего сельскаго совета говорит членам:
>
> — Завтра, в 10 ч. утра, явиться всем в канцелярию. Будем обсуждать важные общественные вопросы.
>
> Приходят на другой день члены в назначенный срок, а канцелярия закрыта изнутри. Стучатся.
>
> — Какого вам тут черта нужно?—кричит из избы, занятой под канцелярию, хозяйка этой избы хромая баба.
>
> Выскочила из избы и грозит членам сельсовета костылем.
>
> — Я вам покажу, как пороги обивать!
>
> Пождали члены сельского совета на морозе часа два и разошлись. Председатель не пришел.
>
> Вот тут и поговори об активной работе!

Хорошо бывает иногда вымести сор из избы, в особенности, когда изба эта—канцелярия сельсовета.

40 ЛОШАДЕЙ, 8 ЧЕЛОВЕК И ОДНА АМЕРИКАНКА

Американская газета „Русский Голос“ печатает нечто из лошадиного быта в Америке.

> Оригинальный повод для развода выставила г-жа Ада Оделль, которая подала жалобу судье на своего супруга. Последний в своей любви к лошадям дошел до того, что поместил свою любимую лошадь в одной из комнат своей квартиры.
>
> Г-жа Оделль считает унизительным для себя жить в одной квартире с лошадью.

С канарейкой—не унизительно, с собачкой—не унизительно, с мужем—капиталистом, изобретающим ядовитые газы—не унизительно, а с безвредной лошадью унизительно!

Эх, мадам Оделль! Все дело в привычке.

ТЕ-ЖЕ И ТРИ СОБАКИ

Смотрите, какие бывают резолюции!

Вот „отношение“:

К. С. С. Р. —— Р. Ф. Краевой Ветеринарно-Зоотехнический Техникум 17 февраля 1924 г. № 343 г. Оренбург.	В Губ. Вет. п/отдел Г. З. О. Настоящим К. В. З. Т. просит отпустить с городских ям три живых собаки для практических работ по анатомии. Директор (подпись). Делопроизводитель (подпись)

А вот „резолюция“:

> Зав. Ямами
>
> Отпустить 3 собаки временно, с условием возвратить обратно после занятий под расписку (подпись)

Как представляет себе Зав. Вет. п/отделом занятия по анатомии? Вероятно, в таком роде.

Сидят студенты и сидит собака. Студенты на собаку глядят, собака на студентов.

Посидят—поглядят, и конец. А чтобы во внутренностях разбираться,—не студентское-мол дело.

Да что! Мы скажем прямо: счастье, что Зав. п/отделом не торгует в мясной лавке.

Он бы так-таки и писал на ордере:

> Отпустить 3 фунта телятины временно, с условием возвратить обратно после обеда.

Веселый человек!

Рис. А. Р.

Г-зета „Русский Голос“ (Америка) сообщает о новой анг. ийской моде: Шляпы из яичной скорлупы.

ГОС-ПОДВАЛ

Из газетных объявлений:

> К ЕВРЕЙСКОЙ ПАСХЕ
>
> ВИНОГРАДНОЕ КОШЕРНОЕ ПАСХАЛЬНОЕ ВИНО
>
> Высшего качества изготовлено в Крыму под наблюдением Севастопольского раввината. Разлив производится в оптовом складе Государственных подвалов
>
> **АРМЕНИИ**
>
> Под постоянным наблюдением местного раввина. Розничная продажа в 35-ти магазинах АРМЕНИИ во всех частях города.
>
> Каждая бутылка вина снабжена сургучем и печатью раввина.

А прочтут такое объявление заграницей,—вот, скажут, зверства, вот насилие над верующими: *духовенство в господвал загнали.*

ЖАЛОБНАЯ КНИГА

В 1001-й раз приходится цитировать одноименный рассказ Чехова.

„Лежит она в особо устроенной конторке, ключ от которой хранится“...

Дальше идет уже современная жизнь.

... ключ от которой хранится у начальника станции Рассказово, Иванова.

> Иванов—(пишет „Тамбовская Правда“) — никому не дает ключа от ящика. 16 марта Иванов не дал ключа сокращенному стрелочнику Топлякову, который хотел написать в книгу какую-то жалобу; не дал также ключа комсомольцу Г. Анникову. Говорит:
>
> — Не дам я марать книгу!
>
> Для чего же существует книга жалоб?

У Чехова в жалобной книге значилась такая запись:

„Прошу в книге посторонних вещей не писать. Иванов 7-й“.

И дальше приписка:

„Хоть ты седьмой, а дурак“.

К счастью, Рассказовский Иванов—не седьмой.

Хоть чем-нибудь отличается!

„СМЫЧКА“

Пишет рабкор:

> На станции Слободка Ю. З. ж. д. имеется нечто вроде церкви. Ходят туда наши верующие. Ну, рабочие говорят: Можете молиться, а вот почему буфер вагонный вы взяли и употребляете вместо колокола,—повесили на дерево и звоните!
>
> Отдайте буфер—он пригодится для вагона.

Об отделении церкви от государства мы слышали.

Но отделение буфера от вагона и присоединение к церкви—это ново и оригинально.

Не хватает еще взять целый паровоз — чтобы он свистал к обедне и всенощной.

ДОПОЛНЕННАЯ ПОГОВОРКА

Житейские факты подтверждают справедливость народных поговорок.

По сообщению Мурманской „Полярной Звезды“.—

> Проснулись женщины далекого Севера. В Грязной губе в международный день работниц коллективом РКП. было созвано общее собрание женщин.
>
> После беседы удалось организовать бюро женотдела. Но вечером, когда женщины захотели было идти на спектакль, поставленный в доме местного коллектива, *мужья встали на дыбы.* В некоторых семействах дело доходило даже до инцидентов.
>
> Стыдно, товарищи, держать своих жен на привязи!

Таким образом, про жительниц Грязной губы можно смело сказать, что у них—

Губа не дура, да мужья... дураки!

КРУПНЫЙ МАСШТАБ

В материалах Губсъезда Работников Юстиции находим такой любопытный факт из деятельности ВИК'ов:

> Постановление ВИК'а:
>
> Лишить начальника почтовой конторы, за нежелание выселиться из комнаты, права занимать подобную должность во всем С. С. С. Р.

Ну, братцы, тут уже ничего не скажешь! Точка! Дальше итти некуда, крыть нечем!

Дальше — разве только — можно было бы—

> взять с начальника почтовой конторы расписку о невылете на соседние планеты, за пределы земного шара.

Эк, подумаешь, новая мода! У нас, в С. С. С. Р., давно уже это самое в моде: да и не одна скорлупа, а целые яйца!

ШКИЛЕТ

Долго слушала Степанида
Лекцию о гигиене.
В душе закипала обида,
Шкилет ухмылялся со сцены.
Тыкал палочкой седоватый
Лектор в бока шкилета,
Разворачивал цветные плакаты
И кряхтел, и кашлял при этом.
Ничего не поняла Степанида,
Только слово запомнила—„гигиена".
А внутри клокотала обида.
Моргали глаза недоуменно.
Набросилась когтистой кошкой
Степанида на ленинца-мужа.
Полетели тарелки и ложки—
На полу суповая лужа.
— Вот тебе, муженек, ужин!
Я сотру тебя, чорта, со света!
Кому этот лектор нужен,
Со своим сухозадым шкилетом?!
Через год поняла Степанида,
Что гигиена нужна до зарезу.
Блоха, скажем, и гнида
Теперь под рубашку не влезут.

***

И розоветь начали ребятишки,
Квартира проветрена и суха.
О гигиене научные книжки
Завелись, и газет вороха.

Н. Тихомиров

АНЕКДОТ

Кому—анекдот, а кому—слезы.

Часто на линию начальство железнодорожное ездит, очень часто. И начальник участка промчится, и начальник службы пути, и его помощник, и начальник дороги, и его помощник, и председатель правления, и его помощники, и мало ли кто едет, особенно весной, — перед строительным сезоном.

И, кто ни едет, все ничего,—а как увидит старшего путевого рабочего, так обязательно экзаменовать его начнет. Никого иной раз не тронут, а старшего рабочего непременно.

И начальник участка, и начальник пути, и начальник дороги, и председатель правления, и мильон их помощников,—так вот точно нарочно:

— Старший рабочий?

— Да.

— А... а... а скажите-ка...

И сейчас экзамен.

И не думайте, чтобы что,—а только один всего-на-всего вопрос и зададут, и не как нибудь, а походя, будто между прочим... Может быть, даже в это время о жене думают,—а увидел старшего рабочего, так сам собою вопрос:

— Скажите... э... э... что вы должны сделать, если увидите, что на одном пути лопнул рельс, а по другому пути идет товарный поезд?

Отвечай, старший рабочий! Отвечай сразу,—рраз и готово!

И вот, дорогие мои товарищи, обалдел один такой рабочий. Только это подходит поезд с начальством, а у него уже судорога по лицу. Каково это не ответить, ежели спрашивает сам председатель плановой комиссии! Плохое это слово и „предупреждение! выговор!", ооох, плохое!

А тут страшный слух: едет страшное начальство со страшными вопросами, и чуть плохой ответ,—вынет начальство книжку и что-то в книжку,—чирк! Съел, или не съел? Страшно.

Пришел поезд.

Вышло начальство. Приняло доклад и того, и другого, и пятого, и десятого.

И п-о-ш-л-о, и и-д-е-т-...

— Начальство, начальство, пройди ты мимо! Тяжело сегодня в голове у старшего рабочего... Чует он свое горе... Пройди!...

Не прошло...

Так вот прямо к старшему рабочему и подошло:

— Скажите... э... э... э... где здесь... э... э... э... мужская?

Все потемнело в глазах старшего рабочего. Молниеносно перед глазами пронеслась вся „инструкция старшему рабочему" и все случаи из практики, все соседские случаи,—нигде нет такого вопроса.

А оно стоит! Оно ждет! Оно переминается с ноги на ногу! Оно выражает нетерпение!

Граждане, вас всех когда нибудь экзаменовали! Ведь, резались же! Вспомните весь клубок этих переживаний...

— Обязан доложить старшему дорожному мастеру! — с отчаянием воскликнул старший рабочий.

— Од... на... ко...—вот и все, что ответило начальство, недовольно пожало плечами и пошло дальше...

— Почему пошло? Почему плечами пожало? Все забыл, и что у него спросили, и что он ответил. Одно помнит горемыка-старший рабочий:

— Срезался! Срезался! что-то будет? Выговор? Предупреждение? Ув... Ув... Увол... Ой, страшно...

Евграф Дольский

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1925 ГОД
НА ЖУРНАЛ САТИРЫ И ЮМОРА

СМЕХАЧ

ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

Журнал печатается по образцу лучших заграничных изданий в несколько красок на лучшей бумаге. Объем номера 16 страниц. Выходит 3 раза в месяц.

СОСТАВ СОТРУДНИКОВ:

ХУДОЖНИКИ: Ю. Анненков, Б. Антоновский, М. Бобышев, Л. Бродаты, М. Добужинский, И. Каликин, А. Карев, В. Козлинский, Н. Лапшин, В. Лебедев, С. Лебедева, И. Малютин, Д. Митрохин, А. Радаков, Н. Радлов, В. Хвостенко, М. Черемных, Г. Г. Эфрос и др.

ЛИТЕРАТОРЫ: А. д'Актиль, Н. Асеев, П. Ашевский, М. Бабель, А. Безыменский, Владимир Воинов, Р. Волженин, Э. Гард, Эммануил Герман, Исидор Гуревич, Евграф Дольский, Мих. Зощенко, А. Жаров, Н. Иванов (Грамен), Вал. Катаев, Вас. Князев, М. Козырев, Мих. Кольцов, Вас. Лебедев (Кумач), Лидия Лесная, К. Мазовский, В. Маяковский, А. Меньшой, К. Милль (Полярный), Оль, Ю. Олеша (Зубило), П. Орешин, Ив. Куз. Прутков, С. Тимошенко, Н. Тихомиров, В. Тоболяков, С. Третьяков, Дм. Цензор, Александр Флит, К. Шелонский, Вяч. Шишков и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На 1 мес.—60 к., на 3 мес.—1 р. 70 к. и на 6 мес.—3 р. 20 к. Подписчикам „Гудка" на 1 мес. 50 к.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР А. С. АНДРЕЙЧИК.

Ответственный Секретарь Ив. Прутков.

Зав. худ. отделом Б. И. Антоновский.

ЖЕЛЧНЫЕ ЖЕЛТКИ

Рис. Л. Бродаты

Учреждается специальная линия Ленинград—Лондон—Гуль для вывоза яиц. (Из газет.)

— Надо смотреть в-оба! А то эти советские яйца еще пропаганду разведут.

— Что вы, ведь это обыкновенные яйца?

— О! А разве вам неизвестно, что и среди них бывают болтуны?

ПРЕКРАСНАЯ ПОЛЬША

Двадцать семь миллионов людей—
У тебя, Прекрасная Польша!
Из них—девять миллионов рабов,
Не павших пред тобою ниц
Вдоль северных,
Восточных,
Западных,
Южных
Границ!
Взгляни на эшафоты свои,
Залитые кровью народа,
Галицийской, еврейской, немецкой, белорусской и польскою кровью.

Обойди тюрьмы свои и застенки,
От грязных местечек на Литовской и Русской границе
До глухих крепостных казематов
Красавицы пышной—Варшавы—
Сколько тысяч проклятий
Забитых, затравленных, загнанных жертв
Ты можешь собрать на пути своем,
Невыразимо-прекрасная Польша?!
Раскрыты очи твои,
Простерты руки твои
Навстречу Европе и жемчужине мира—Парижу.
Ты моешься мылами Пино,
Ты душишься Коти и Пивером,
Прекрасная Польша!
Но скажи мне, отчего пахнут трупом
Холеные руки твои
И белоснежная грудь под французской сорочкой,
Ясновельможная Польша?!
Глаза твои пугливы,
И сердце несется со скоростью ветра...
Страх сжал горло твое
Неумолимой и цепкой рукою...
Ты дрожишь Прекрасная Польша,
Ты клонишь ухо к земле,
Ты слышишь подземные гулы—
Размеренный шаг миллионов рабов,
Не павших пред тобою ниц,—
Идущих от северных,
Восточных,
Западных,
Южных границ,
Это—расплата...
Ни с места, Прекрасная Польша!

Александр Флит

„ВЗГЛЯД В КОРЕНЬ“

Рис. Л. Бродаты

— Глянь-ка, Петя, какие шикарные две дамы пошли! Одно слово, крали!
— Дурак-ты! И увовси не они крали, а мужья ихние!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

НЕ ЛИЦО, А ИЗНАНКА

В Известиях ЦИК'а была помещена приводимая нами заметка:

ДЕЛО О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯХ В ХЕРСОНСКОЙ МИЛИЦИИ

Одесса. 24 марта. Следствие о злоупотреблениях в административном отделе херсонской милиции обнаружило, что арестованные сотрудники милиции и уголовного розыска устраивали попойки в притонах, на что тратили крупные суммы денег. Содержатели притона пользовались полной безнаказанностью.

Обнаружены случаи наложения незаконных штрафов, которые потом отменялись за взятки. Крупные казенные суммы израсходованы на фиктивные командировки.

Ну, что-ж тут такого?—скажет читатель. Заметка как заметка. Что нужно „Смехачу“ от такой заметки?

Но все дело в том, что „Известия“ поместили эту заметку в отделе „Лицом к деревне“.

„Смехач“ недоумевает. Ударили лицом в грязь, да еще собираются это лицо деревне показывать. Это же не лицо, а совсем наоборот.

ВЕСНА

Величали старухи: грачевницей Дуней,
Евдокией крестили попы,
А по нашему в марте как на поле
дунет,—
Запестреют в июне снопы.
Вон смеется да вьется, да песнями
трелит,
На собранье все крылья зовет,
Подбочась, каблучком неподатливым
дрелит
На реке зеленеющий лед.
Ох, и сколько ж затей у задачливой
девки!
То не девка,—румяный огонь.
Вы, ребята, забудь избяные запевки,—
По мозолям скучает ладонь.
На печи кирпичи гладят дедову спину,
Век векуют в молчанку да в сон.
Гей, ребята, сохой распотешь десятину,
Поналаживай гусли борон!
Далеки, широки у весны—красны степи.
А на ласку, что ветер, востра:
Не моргнешь,—в губы самые радугу
влепит —
На! гори жарче солнца - костра!

Алексей Липецкий

„С Н Ы“

— Послушайте, вы брали взятку?
— Бросьте, вам это снилось, наверно!
— Во всяком случае, это сон в руку!

ПАМЯТКА

Наша сила в том, товарищ,
Что не жалко нам *вчера:*
В пепле копотных пожарищ
Нету нашего добра.
Богатеи погорели,
Навсегда пошли на дно;
Мы же, все что мы имели—
И сейчас при нас оно!
Не боимся дней суровых,
Не страшит нас злобный рок:
Пара рук, к труду готовых—
Счастья близкого залог.
Нам-ли мыкаться в печали,
Ползать в прахе и пыли?
Мы лишь цепи потеряли—
И весь край приобрели!

Василий Князев

ВЫВЕРНУЛСЯ

— Что, батя? не хотел меня за трояк венчать,—а обвенчал и вовсе задаром, как сельсовет тебя прищучил.

— Ну что-ж, что обвенчал? А какие молитвы я над тобой прочел? Самые паршивенькие...

НАЧАЛО

Особо знаменательные даты требуют и особо-торжественного стиля.

По поводу юбилея опереточной артистки Н. И. Тамары, рецензент М. Кузьмин пишет в вечернем выпуске „Красной газеты“ (Ленинград):

...Такова, безусловно, Тамара. *Начало её* совпало с началом XX века ..

Мы не сомневаемся, что такому событию рецензент посвятит целую монографию, а в монографии будут вопросы:

„Когда началась Тамара?“

„Как она продолжалась и с чем совпадала?“

„Что произошло раньше: Тамара или февральская революция?“ И т. д.

СЕМЬ ДНЕЙ, В КОТОРЫЕ БЫЛ ОГРАБЛЕН МИР

Под таким заглавием напечатана в сборнике „Ковш“ повесть А. Н. Толстого.

А вот такую фразку находим в повести (стр. 22-я):

Но опасаться, как это было раньше, *нам не имеет основания.*

„Нам имеет полное основание“ опасаться, что в семь дней был ограблен не только мир, но и русский язык.

О ТОМ-ЖЕ

В Ленинградской „Красной газете“ (№ 78), под планом курортов и санаторий СССР красуется подпись:

Вырежи и сохрани!

И сохрани, уважаемый читатель, в твоей памяти, что повелительное наклонение от глагола „вырезать“ будет „вырежь“.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

(Адрес для корреспонденции: Ленинград, пр. Володарского, 53а).

Полоцк, Эмзе. Эмзе прислал стихи.

С Коломбиной знаком я недавно,
И всего только несколько дней,
Но мечта моя с нею издавна,
И теперь буду верен я ей.
Коломбина, Коломбина!
Ты, ведь, синяя птица моя!
Полюби же и ты Арлекина!—
Он давно уже любит тебя. И т. д.

Мы поместили эти горячие строки, чтобы хоть чем нибудь помочь бедному Арлекину из Полоцка.

Коломбина! Честью просим: прочтите и воспылайте страстью. Из-за вас человек даже на плохие стихи решился!

Тифлис, Б. Г. „Два счета“ отложили с указанной в заголовке скоростью (т. е. в два счета), так как тема использована на первой странице 18-го номера „Смехача“, в 1924 году.

Асхабад, Она. Благодарим за разоблачение плагиата: „Разговорчики у станка“ и „Добрая душа“ (из старого сборника) тождественны.

Ялуторовск, И. Е. Крашенинникову. Прочитав предыдущий ответ, взгляните на свою шапку: не горит-ли? Что касается гонорара—увы! плакали денежки. Уж очень им совестно попасть не по принадлежности.

Белев, Эн-у. Рассказ „Чтение“ не имеет упора. Пришлите что нибудь другое.

Воронеж, М. К-о, Харьков, „Грозе“, Омск, В. К-у, Ст. Кантемировка, Л. К-ну. Ваши стихи „На смерть Керзона“, сложенные вместе, могут придавить не только мертвого, но и живого. Разве это стихи?

И на пост председателя
Совета министров его посадили,
То-есть сделали из него деятеля
Министра без портфеля.
А это должность не такая
Керзону разочаровала
И завещал он, умирая,
Чтоб боролись с Россией до конца. (Л. К-н).

А, впрочем, так ему и надо. Чем хуже, тем лучше! Не завещай в другой раз!

Ленинград, Б-ву. Вы называете свои громоздкие „Часы“ *имитацией Джерома и Твена.*

Ну, знаете, подделать фабрикат такой крупной фирмы довольно трудно. В часовой механизм, вместо камней, вы вставили целую ухабистую мостовую.

Ив. Пр.

„НЕ ВЫТАНЦОВЫВАЕТСЯ“

Рис. Н. Радлова

Сельскими властями Ленинградского уезда были наложены взыскания на граждан за устройство танцев на дому.

— А эт-то что еще за гражданин в кровати лежит?
— Больной он! Фершал приходил и сказывал, что пляска святого Витта у его.
— Пляска! То-то и оно! Оштрафовать!

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Гублит. № 9535. Типография "Инвалид Печатник" Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 60.00.

БЕССМЕННАЯ СМЕНА

Рис. Г. Эфроса

— Хорошо иметь смену!

— Эх! хорошо бы иметь смену!..